

A movie poster featuring a woman with long, light-colored hair and a dark, tattered cloak. She has a red, scratch-like mark on her cheek and is looking upwards with a contemplative expression. The background is a dark, starry night sky with a vibrant green aurora borealis. A crescent moon is visible in the upper right. In the foreground, there are silhouettes of bare trees and ancient, crumbling stone ruins.

Ирина Амели-Волкова

Тени чужого неба

18+

Ирина Амели-Волкова

Тени чужого неба

«Автор»

2026

Амели-Волкова И.

Тени чужого неба / И. Амели-Волкова — «Автор», 2026

Кая пришла из мира без магии — и оказалась в мире, который умирает от чужой силы. Здесь её не считают героиней: ей доверяют самое простое и самое трудное — не уйти, когда все уходят, и держать линию, даже если не понимаешь, что она значит. Рядом — те, кто помнит старые пути: Торн, Орин, Фейра, Брен. И мальчик Элин, от голоса которого зависит, останется ли этот мир живым. Когда враг стучится в дверь, выясняется: иногда достаточно одного человека, который просто не отпустит камни из рук.

© Амели-Волкова И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
*****	21
***	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Ирина Амели-Волкова

Тени чужого неба

Глава 1.

Катя не осознавала что уже вышла из больницы и не понимала, что стоит на крыльце. Ноябрьский воздух ударил в лицо, возвращая в реальность, и она вдохнула его жадно, будто внутри здания, в коридорах с зелёными стенами, было нечем дышать. В голове все еще звучал голос лечащего доктора, окончательно похоронивший надежду.

Врач говорил долго. Катя слушала вежливо, кивала, смотрела на его руки — они двигались по столу, переключали бумаги, и это было легче, чем смотреть ему в глаза. Потом он замолчал, и в тишине прозвучало то, что она уже знала, но боялась услышать вслух:

— Екатерина, мы сделали всё, что могли. Лечение не дало результата. Боюсь, в вашем случае детей не будет. Никогда.

«Никогда» прозвучало не как приговор, а как констатация. Будто он сказал «автобус не придёт» или «хлеб подорожал». Обыденно. Мимо.

Катя кивнула, расписалась в журнале, забрала пакет с выпиской и вышла.

На улице накрапывал дождик. Мелкая, нудная морось, от которой не спасает капюшон. Катя натянула его, прижала пакет к груди и пошла к остановке.

Город жил своей жизнью: кто-то бежал, кто-то разговаривал по телефону, кто-то тащил пакеты из магазина. Катя шла медленно, и ей казалось, что она движется сквозь стеклянный туннель — всё вокруг было отчётливым, но недостижимым. Будто она просто зритель и смотрит на все со стороны.

Белые пряди выбивались из-под капюшона. Она не прятала их — давно перестала. В двадцать три седая девушка со шрамом через всю щеку — это притягивало к ней чужое внимание, заставляя окружающих разглядывать ее более пристально, как какую-то зверушку в зоопарке. Сначала она ненавидела эти взгляды. Потом научилась не замечать и не бояться.

Остановка была обычной: стеклянный навес, облезлый плакат с расписанием, лужа, в которой отражалось серое небо. Катя села на скамейку, поставила пакет рядом. Ждала автобус.

Рядом стояла женщина с девочкой. Девочке было года четыре, не больше. Она была одета в розовый комбинезон и смешную шапку с помпоном, из которого торчали пухлые руки и красный нос. Она что-то рассказывала маме, тихо, но увлечённо — Катя слышала обрывки:

— ...и тогда дракон сказал «я не злой, я просто большой»...

Мать слушала, улыбалась, поправила ей шарф. Обычная картина. Мать и дочь. То, чего у Кати никогда не будет.

Она не завидовала. Нет. Она просто смотрела, и внутри было пусто — не больно, не горько, а пусто. Как в комнате, из которой вынесли всю мебель: стены есть, пол есть, а жить нельзя.

Девочка обернулась, посмотрела на Катю. Не испугалась — дети редко пугаются шрамов, они ещё не знают, что это «страшно». Она просто смотрела с любопытством.

— Ты тоже ждёшь автобус? — спросила она.

— Тоже, — ответила Катя.

— А куда ты поедешь?

— Не знаю, — сказала Катя и впервые за день улыбнулась. — Может, далеко.

— Мама говорит, далеко — это где бабушка живёт.

— Да, — кивнула Катя. — Наверное, где-то там.

Мать мягко потянула девочку за руку: не грубо, не одёргивая — просто «не отвлекай тётю». Девочка послушно отвернулась, но тут же продолжила что-то шептать маме, и Катя слышала: «...у тёти волосы как у бабушки, белые...»

Она не обиделась. Она подумала: «Хорошо, что у этой девочки есть мама. Хорошо, что ей не доведётся узнать, каково это — жить без неё».

Потом всё случилось быстро.

Из-за поворота, метрах в тридцати от остановки, вылетела машина. Тёмная, грязная, с разбитым бампером. Она шла юзом, визжа резиной, и Катя увидела за рулём лицо — искажённое, то ли пьяное, то ли в панике. Машина неслась прямо на остановку.

У Кати было чуть больше секунды. Может — две.

Она увидела всё сразу: машину, себя, женщину с девочкой. И поняла — может отскочить. Влево, за край навеса. Там безопасно. Тело знало это: она учила его спасаться, учила чувствовать опасность, учила не ждать, пока кто-то спасёт. Тело знало, как выжить.

Но Катя не отскочила.

Она шагнула вперёд, к женщине с девочкой, и толкнула. Тяжело, обеими руками, всем телом — не в сторону, а прочь от остановки, на газон. Женщина вскрикнула, девочка закричала, и они упали — неудачно, больно, но за пределы остановки, за пределы того места, куда неслась машина.

Катя увидеть это не успела.

Был удар. Короткий, тупой, как кулак в грудь. Потом — ничего.

Ни боли. Ни страха. Только странное ощущение, будто она наконец-то выдохнула — после долгого, бесконечного вдоха, который длился всю её жизнь.

Последнее, что она услышала, — голос девочки. Тонкий, испуганный:

— Мама, тётя упала...

Потом — тишина.

Катя лежала на асфальте, и небо над ней было серым, ноябрьским, мокрым. Она не видела его — просто знала, что оно там.

Где-то далеко кричали люди. Подъезжала «скорая». Мать прижимала девочку к себе и плакала. Жизнь шла своим чередом, но Катя больше не была её частью.

Она подумала — не словами, а ощущением: «Хорошо. Хотя бы так».

И тишине ответил ветер — не воронежский, не ноябрьский. Другой. Холодный, горький, пахнувший землёй, которую она не знала.

Серое небо дрогнуло, потемнело — и погасло.

Сначала не было ничего. Ни света, ни сумерек — даже темноты не было. Просто — отсутствие. Будто кто-то выключил не только зрение, но и само ощущение, что ты есть.

Потом появился звук. Не сразу — издали, как радио в соседней комнате, которое кто-то забыл выключить. Низкий, ровный гул, больше похожий на вибрацию, чем на голос. Катя слышала его не ушами — ушами она слышать не могла, — а всем тем, что от неё осталось. Чем бы это ни было.

Гул стал гуще. К нему прибавился запах — сырой земли, горького дыма и чего-то резкого, незнакомого, от чего перехватывало дыхание. Потом — холод. Он пришёл отовсюду сразу, не снаружи, а изнутри, будто лёг на грудь каменной плитой.

И Катя поняла: Она — есть.

Не «была». Не «будет». Есть. Сейчас. Здесь.

Мысль была простой и страшной. Она умерла — это она помнила. Удар, крик девочки, серое небо. Всё. Точка. Но точки не было. Было продолжение.

«Это ад?» — подумала она, и мысль прозвучала глупо даже для неё. Ад должен быть горячим. А здесь было холодно, сыро и пахло землёй. Если это ад, то ад — это просто другое место, не хуже и не лучше того, откуда она ушла.

Гул стал тише, и постепенно сквозь него начали проступать ощущения. Твёрдое под спиной. Мелкие камни, впивающиеся в ладони. Влажная трава — но не мокрая, не ноябрьская, а живая, пахнущая не гнилью, а чем-то горьковатым и свежим одновременно. Ветер — тоже не тот, не воронежский, не городской. Другой. Чистый, холодный, без выхлопа и бензина.

Катя открыла глаза.

Небо было неправильным. Слишком тёмным, слишком низким, будто его затянули плотной тканью. Ни облаков, ни солнца — только ровная серая пелена, которая чуть мерцала, как экран сломанного телевизора. Где-то на самом краю зрения пелена подёргивалась зеленоватыми всполохами, как северное сияние, только тусклое и болезненное.

Она лежала на спине, на жёсткой, каменистой земле. Вокруг — холмы, покрытые редкой, чахлой травой. Невдалеке темнели обломки стен, чёрные от копоти. Деревья — или то, что от них осталось — торчали из земли, как обугленные кости.

Катя подняла руку. Пальцы были её. Седая прядь упала на лоб — её. Шрам на щеке — её. Тело — её. Но место — не её.

Она села. Голова закружилась, и она упёрлась ладонями в землю, пережидая. Земля была тёплой — не от солнца, а изнутри, будто под ней медленно текло что-то горячее. И одновременно — умирало. Катя почувствовала это кожей: тепло уходило, просачивалось куда-то вниз, как вода в песок. Будто земля растрачивала последние силы.

«Я не умерла, — подумала она. — Или умерла, но не до конца. Или умерла и попала не туда, куда должна была».

Она не верила в бога. Не верила в загробную жизнь. Не верила в магию. Она верила в боль, в шрамы, в то, что если не умеешь драться — тебя сломают. Она научилась драться. Она научилась выживать. Она умерла, спасая девочку, и это было последним, что она могла сделать.

Но если она здесь — значит, смерть не конец. А значит, нужно решить, что делать дальше.

Катя стояла на ногах, пошатываясь, прижимая руки к бокам. Холод пробирал до костей. Пелена неба тихо мерцала. Где-то за холмом раздался низкий, вибрирующий звук — будто земля застонала.

Она посмотрела на свои руки. Те же руки. Те же шрамы. Та же седина. Та же она.

Но — не та.

Катя умерла. Катя из Воронежа, с зелёными стенами больницы, с врачом, который сказал «никогда», с автобусной остановкой, где девочка в розовом комбинезоне рассказывала про доброго дракона. Та Катя — осталась там. На асфальте, под серым ноябрьским небом, которое погасло.

А здесь — другая.

— Кая, — сказала она вслух.

Имя пришло не откуда-то извне, не из подсказки или откровения. Оно просто было. Будто всегда жило в ней, спрятанное за «Катя», за «Катенька», за «Екатерина Сергеевна», за всеми именами, которые на неё навесили — мать, больница, полиция, мир. Кая. Короткое, твёрдое, без смягчений. Имя, которое невозможно сломать.

— Меня зовут Кая, — повторила она тише, и ветер подхватил слово, унёс его куда-то за холмы, в сторону обугленных деревьев.

Она не знала, где она. Не знала, как сюда попала. Не знала, жива она или мертва по настоящему. Но одно знала точно: Катя осталась там. А сюда — куда-то, где небо мерцает, земля умирает, а воздух пахнет чужим дымом — пришла Кая.

И если здесь нужно выживать, она будет выживать. Она умеет.

Она сделала первый шаг. Земля под ногами была неровной, и каждый камень отзывался тихим, глухим стуком, будто эхо из-под земли. Кая шла туда, где темнели обломки стен — единственное, что напоминало человеческое присутствие в этом мёртвом месте. Ветер усилился, и в нём теперь отчётливо чувствовался запах гари, будто где-то рядом догорал пожар.

И тогда она увидела его.

Мужчину, стоявшего у развалин. Он не подошёл, не окликнул — просто стоял, положив ладонь на рукоять меча, и смотрел на неё. Лицо — суровое, выдубленное ветром и годами, с резкими, будто высеченными линиями. В глазах — не любопытство и не страх. Усталость. Та же, что Катя видела в зеркале каждое утро.

Кая остановилась. Он остановился. Несколько секунд они просто смотрели друг на друга — два человека, у которых не осталось ничего, кроме самих себя.

Потом он сделал то, чего она не ожидала. Снял с плеча плащ, бросил ей под ноги и сказал негромко, без жалости, без вопросов:

— Надень. Скоро стемнеет и станет очень холодно.

Кая подняла плащ. Ткань была колючей, тяжёлой, пахла дымом и травами. Она накинула его на плечи и впервые с того момента, как очнулась, почувствовала тепло. Не от ткани — от того, что кто-то просто дал.

— Спасибо, — сказала она.

Он кивнул. Будто это не благодарность, а просто факт: да, я дал плащ.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Кая.

Он повторил имя, и оно прозвучало в его устах осторожно, будто он пробовал незнакомое слово.

— Кая. Меня — Торн.

И всё. Ни приветствий, ни объяснений. Два имени и плащ между ними.

Где-то за холмом снова раздался низкий, вибрирующий гул, и земля под ногами чуть дрогнула. Торн мгновенно напрягся, рука легла на меч.

— Это они, — сказал он. И тут же добавил в ответ на немой вопрос в ее глазах

— Пришельцы. Те, кто выжимает этот мир досуха.

Кая посмотрела на мёртвую траву, на обугленные деревья, на серое небо, которое мерцало больным светом. И подумала: «Я знаю, как это выглядит. Мир, который некому защитить».

— Тогда идём, — сказала она.

Торн посмотрел на неё — внимательно, оценивающе, будто не верил, что кто-то добровольно идёт в сторону опасности. Но промолчал.

Они пошли. Рядом. Не вместе — ещё не вместе. Просто в одну сторону.

Глава 2

Тропа, по которой они шли, становилась всё уже, будто сама земля не хотела пускать их дальше. Кая шла за Торном, стараясь не отставать и не наступать на острые камни — каждый шаг отдавался в теле тупой усталостью, будто она не просто шла, а заново училась быть живой. Плащ Торна по-прежнему грел, но теперь она чувствовала не только тепло ткани, а ещё и ответственность: будто, приняв его, она согласилась на что-то большее, чем просто не замёрзнуть.

— Далеко ещё? — спросила она тихо, чтобы не разрушить эту хрупкую тишину между ними.

Торн не обернулся, но голос его прозвучал чуть мягче, чем раньше:

— До укрытия — нет. До людей — да.

Кая хотела спросить «а в чём разница», но не успела. Тропа резко нырнула вниз, в неглубокую долину, укрытую с трёх сторон крутыми склонами. Внизу, среди камней, темнели низкие крыши — не из черепицы, не из железа, а из плотно подогнанных плит сланца и толстых веток, переплетённых так, что казалось, будто дома выросли из самой земли. Между домами вился лёгкий дым — не чёрный, едкий, как от горящего города, а спокойный, домашний.

— Это поселение? — прошептала Кая.

— Не поселение, — поправил Торн. — Убежище. Здесь живут те, кто не хочет, чтобы их нашли.

Он остановился у края тропы, поднял руку — жест, понятный без слов: стой здесь. И только потом шагнул вперёд, туда, где из-за каменной стены показался человек с копьём.

— Торн, — произнёс человек, и в голосе не было ни радости, ни удивления — только признание. — Ты вернулся.

— Вернулся, — коротко ответил Торн. — И не один.

Человек скользнул взглядом по Кае, задержался на её шраме, на седых волосах, на том, как она держится — будто каждую секунду готова сорваться с места. Потом снова посмотрел на Торна.

— Орин ждёт.

Имя прозвучало как пароль. Торн кивнул, и человек опустил копье.

Они вошли в круг домов. Кая старалась не глазеть, но не могла не замечать деталей: на стенах висели пучки сухих трав, перевязанные бечёвкой; над дверями — плоские камни с выщербленными узорами, похожими не на руны, а на следы пальцев, будто кто-то когда-то крепко держался за эти стены; у каждого очага — низкий камень, на который клали что-то важное: обломок кости, кусочек металла, гладкий камешек.

В центре, у самого большого очага, сидел старик. Он не был согбенным, не был дрожащим — просто очень спокойным, будто все бури мира уже прошли сквозь него и больше не могли сдвинуть с места. Это был Орин. Рядом с ним стояла женщина с тёмными волосами, собранными в тугую косу, и внимательными, живыми глазами. Это была Фейра. Чуть поодаль, у стены, стоял крепкий мужчина с широкими плечами и руками, привыкшими к тяжёлой работе. Брен.

Орин поднял голову, когда Торн и Кая подошли.

— Ты привёл гостью, — сказал он, не спрашивая, а констатируя.

— Она не из них, — ответил Торн, будто этого было достаточно.

— Вижу, — спокойно кивнул Орин. — Но и не из наших.

Фейра шагнула ближе, не угрожая, но внимательно осматривая, как человек, который привык замечать детали.

— У неё шрам, — сказала она. — И седина. Но пахнет она не кровью и не дымом. Пахнет... пустотой. Как будто её вырвали из одного мира и бросили сюда.

Кая вздрогнула. Это было слишком близко к правде.

— Меня зовут Кая, — сказала она, и голос прозвучал твёрже, чем она ожидала. — Раньше меня звали Катя. Я... я не знаю, как я сюда попала.

Орин чуть наклонил голову, будто прислушиваясь не к словам, а к тому, что за ними.

— Имя — это тоже выбор, — произнёс он. — Если ты оставила старое и взяла новое, значит, ты уже начала жить здесь.

Фейра улыбнулась — не широко, но так, что в уголках глаз появились морщинки, и тревога в груди Каи чуть ослабла.

— Садись к огню, — сказала Фейра. — Здесь тепло, и здесь не задают лишних вопросов... пока ты сама не захочешь на них ответить.

Кая опустилась на плоский камень у очага. Тепло медленно пробиралось сквозь плащ, сквозь одежду, сквозь кожу — туда, где всё ещё жил холод того мира. Она протянула руки к огню и вдруг поняла, что дрожит. Не от холода — от того, что впервые за долгое время её не оценивают, не судят, не пытаются понять, как её использовать.

Брен молча протянул ей кружку с чем-то горячим. Запах был незнакомым, травяным, с лёгкой горчинкой.

— Пей, — сказал он просто. — Это не магия, но силы вернёт.

Кая сделала глоток. Тёплое, пряное, чуть терпкое. И неожиданно — вкусное. Как будто этот мир решил: если уж ты здесь, то хотя бы не голодай.

Когда кружка опустела, Орин заговорил снова:

— Ты видела, как Торн дал тебе плащ. Это у нас считается почти клятвой: я не оставлю тебя одну. Но клятва — это не только дар, это ещё и ответственность. Теперь ты часть того, что мы защищаем. Даже если сама этого не хочешь.

Кая посмотрела на Торна. Он стоял чуть в стороне, не вмешиваясь, но и не уходя.

— Я не умею защищать, — тихо призналась она. — Я только... спасала. Так как смогла.

— А это и есть защита, — спокойно сказал Орин. — Не только крепкие, высокие стены и острые, умелые мечи обеспечивают ее. Основа — это когда ты видишь, что кому-то грозит беда, и делаешь шаг вперёд. Даже если знаешь, что не справишься.

Фейра присела рядом, положила ладонь на край очага, будто проверяя, насколько он горячий.

— Расскажи про свой мир, — попросила она мягко. — Не всё. Хотя что-то. Нам важно понять, что ты знаешь, чего не знаешь... и чем ты сможешь нам помочь.

И Кая рассказала. Не всё — ей не хотелось снова чувствовать ту боль, ту пустоту, которая поселилась внутри после произнесенного врачом «никогда». Она рассказала что болела и вышла из больницы, про остановку, про девочку в розовом комбинезоне, про то, как шагнула вперёд. Про то, как небо погасло — и как загорелось снова, но уже другим светом.

Когда она замолчала, в круге у очага стало тихо. Только потрескивали дрова, да ветер шелестел сухими травами на стенах.

— Значит, ты пришла из мира, где нет магии, — подытожил Орин. — Где люди лечат себя железом и словами, а не землёй и предками.

— Да, — кивнула Кая. — И я ничего не смыслю в магических обрядах и ритуалах, но это не значит что я бесполезна. В свое время я училась самозащите.

Фейра чуть улыбнулась:

— Это уже немало. А еще ты знаешь другое. Ты знаешь, как выглядит человек, которому страшно. Как выглядит тот, кто готов отдать себя за другого. Это тоже сила. Просто другая.

Торн стоял чуть в стороне, будто ему было неуютно от всей этой теплоты, от разговоров по душам. Он смотрел не на Каю, а куда-то в темноту за пределами света костра, словно ожидая, что оттуда вот-вот выскочит беда.

Неожиданно из темноты донёсся торопливый шаг, и к кругу подбежал мальчишка лет двенадцати, запыхавшийся, с расширенными глазами.

— Орин! — выкрикнул он. — Дозорные видели дым на северной тропе. И следы. Много следов.

Орин не вскочил, не закричал — он просто стал выше, будто в нём выпрямилось что-то старое и твёрдое.

— Сколько?

— Не меньше двух десятков. И... там были метки. Чёрные круги на камнях. Это они. Брен тут же шагнул к стене, где висели копыя, и снял одно.

— Надо уходить. Сейчас. Пока они не перекрыли ущелье.

Фейра метнулась к связкам трав, начала торопливо рассовывать их по мешочкам.

— Мы не можем уйти все, — спокойно, но жёстко сказал Орин. — Если уйдём, они найдут следы, поймут, что здесь было поселение, и вернуться с большей силой. Кто-то должен остаться и провести малый ритуал скрытия. А остальные уведут людей в старую штольню.

Торн наконец оторвал взгляд от темноты и посмотрел на Орина.

— Я останусь.

— Нет, — покачал головой Орин. — Ты нужен там, где опасность. Ты знаешь эти тропы лучше всех. Ты поведёшь людей.

Торн стиснул зубы, будто хотел спорить, но не стал.

— Остаётся Фейра. Она лучше всех знает как проводить ритуал.

— Одна я не удержу поток, — сказала Фейра, не оборачиваясь. — Нужен второй голос. Второй круг. Без этого заклинание рассыплется.

Все замолчали. И в этой короткой тишине Кая вдруг поняла, что все взгляды скользнули к ней. Не как к героине, не как к спасительнице, а как к человеку, который может просто постоять у огня и не дать ему погаснуть.

— Я останусь, — сказала она. — Я не знаю ритуалов, но я умею стоять и не уходить.

Орин кивнул, будто услышал именно то, что хотел.

— Хорошо. Тогда слушай. Ритуал держится на трёх вещах: на голосе, на круге и на памяти. Ты не должна произносить слова — ты должна держать линию. Держать её руками, взглядом, дыханием. Если почувствуешь, что круг дрожит, — скажи. Фейра подхватит.

Фейра подошла к Кае и быстро, но бережно взяла её за руки, показывая, как ставить ладони на землю, как ощущать, где кончается свет и начинается тень.

— Держи линию, — шепнула она. — Даже если тебе покажется, что ты ничего не чувствуешь. Держи.

И тут Торн шагнул вперёд, прямо к Орину, почти нависая над ним, но не повышая голоса:

— Ты не сказал главного. Они не просто ищут нас. Они ищут Элина.

Имя прозвучало резко, как удар камня о камень. Кая вздрогнула: впервые она услышала это имя, и оно сразу легло на сердце тяжестью.

— Элин... — повторила она тихо.

Торн резко обернулся к ней, будто только сейчас вспомнил, что она здесь, что она ничего не знает.

— Наследник старых правителей пришельцев, — коротко бросил он. — Единственный, кто может остановить эту войну, если его голос услышат. А еще он единственный, кого они хотят убить, чтобы война никогда не кончилась. Крейвон и Вейра идут по его следу. И если они найдут его раньше нас — всё будет кончено.

Кая посмотрела на Торна, потом на Орина, на Фейру, которая замерла с пучком трав в руках.

— Где он? — спросила она.

— С нами, — сказал Орин. — Мы прячем его здесь. Он ребёнок. И он боится. Но он помнит, что его родители хотели мира.

В этот момент из темноты, из-за стены одного из домов, тихо вышел мальчик. Маленький, худой, в слишком большом для него плаще. Он держался в тени, но свет костра всё равно выхватил его лицо: большие глаза, тёмные волосы, и на шее — тонкая цепочка с обломком странного амулета, тускло мерцавшего, будто в нём застряла капля чужого света.

Это был Элин.

Он не смотрел на всех сразу — он смотрел только на Каю. Не с надеждой, не с ожиданием чуда, а с тихим, детским вопросом: «Ты не сделаешь мне больно?»

Кая не двинулась с места. Но она чуть наклонила голову и сказала так же тихо, как он смотрел:

— Я не обижу тебя.

Элин чуть переступил с ноги на ногу, будто решался на что-то очень важное, и прошептал:

— Они идут. Я чувствую, как земля дрожит от их шагов.

Торн снова положил ладонь на рукоять меча, но теперь в этом жесте было не столько обещание боя, сколько готовность защитить.

— Значит, времени нет, — сказал он. — Фейра, начинай ритуал. Кая, стой рядом. Держи линию. Брен и Орин задержат их у перевала. А я уведу людей.

Фейра опустилась на колени, расставила камни по кругу и кивнула Кае:

— Садись здесь. Положи руки на эти камни. Не отпускай. Что бы ни случилось.

Кая села. Камни были холодными, шершавыми, будто помнили тысячи рук до неё. Она положила на них ладони и вдруг почувствовала: под землёй что-то тянулось, как тонкая струна, натянутая до предела.

— Я держу, — сказала она, скорее себе, чем кому-то ещё.

А Торн, уже уходя в темноту, обернулся и на секунду задержал взгляд на ней.

— Если круг устоит, мы вернёмся. Если нет... береги его. Он — наш единственный шанс.

И они ушли: Торн, Орин и Брен растворились в темноте, оставив Каю и Фейру у огня, а Элина — между ними, как самое хрупкое, что есть в этом мире.

Фейра закрыла глаза, начала тихо напевать слова, которых Кая не понимала, но которые звучали как дыхание самой земли. А Кая смотрела на мальчика, на мерцающий обломок амулета, на дрожащие от напряжения пальцы на камнях — и думала: «Я не знала этого имени минуту назад. Но теперь я знаю: если я отпущу эти камни, случится что-то непоправимое».

Глава 3

Фейра сидела на коленях в центре круга, её пальцы перебирали гладкие камни, выкладывая их в узор, который, казалось, жил своей собственной жизнью: линии чуть подрагивали, будто по ним бежала невидимая искра. Она закрыла глаза и начала тихо напевать — не песню, а скорее дыхание, растянутое в слова, которых Кая не понимала, но которые отзывались где-то глубоко внутри, как эхо в пустом колодце. Кая сидела напротив, положив ладони на два холодных камня, как ей показали. Она не чувствовала никакой магии — только тяжесть, холод и странное, нарастающее гудение под землёй, будто где-то далеко били в огромный барабан, и земля принимала этот удар, дрожала, но держалась. Элин присел рядом, почти прижавшись плечом к её колену. Он не смотрел на неё — смотрел на камни под её руками, на мерцающие линии, на лицо Фейры, будто пытался запомнить всё сразу, чтобы потом, когда станет страшно, вспоминать эти детали и держаться за них. — Ты боишься? — тихо спросила Кая, стараясь, чтобы голос звучал ровно, как будто она сама не дрожала от напряжения. Элин чуть наклонил голову, будто прислушивался не к вопросу, а к тому, как он ложится на этот гул. Потом кивнул. — Да. Но не так, как раньше. Раньше я боялся темноты. А теперь я боюсь, что если я заплачу, земля услышит и подумает, что я слабый. И тогда она перестанет меня держать. Кая сжала пальцы, чувствуя, как острые края камней врезаются в кожу. — Земля не такая, — сказала она. — Она не судит. Она просто есть. Как пол в комнате: он не злится, если ты спотыкаешься. Он просто ждёт, пока ты снова встанешь. Элин поднял на неё глаза — большие, тёмные, в которых отражался огонь очага и что-то ещё, более глубокое, будто в них жили чужие воспоминания. — А ты? Ты боишься? Кая хотела сказать «нет». Хотела звучать твёрдо, как Торн, как Орин — как те, кто знает, что делать. Но вместо этого она честно покачала головой: — Боюсь. Но по-другому. Я боюсь не за себя. Я боюсь, что отпущу эти камни, а круг рассыплется, и тогда те, кто идёт, найдут тебя. И всё, ради чего эти люди прятали тебя, будет зря. Элин перевёл взгляд на её руки. — Но ты не отпустишь, — сказал он уверенно, почти как обещание. — Ты из тех, кто держит до конца. Я это сразу понял. Кая чуть улыбнулась, хотя улыбаться сейчас казалось неправильным, почти кощунственным. — Откуда ты знаешь? — Я чувствую, — просто ответил он. — Не ушами. Не глазами. Вот здесь. — Он приложил ладонь к груди, туда, где под тканью плаща тускло мерцал обломок амулета. — Когда ты пришла, земля будто вздохнула. Как будто она устала держать всё сама и наконец-то нашла кого-то, кто поможет. Кая нахмурилась, пытаясь понять. — Я ничего не чувствую. Только холод. И этот гул. — Это и есть чувство, — серьёзно сказал Элин. — Холод — это когда мир говорит: «Мне плохо». Гул — это когда он говорит: «Держи». А ты держишь. Значит, ты понимаешь его язык. Даже если сама этого не знаешь. Где-то вдалеке, за холмами, прокатился низкий, вибрирующий звук — тот самый, от которого у Каи сжималось сердце. Элин вздрогнул, но не отшатнулся. Только крепче прижал руку к амулету, словно хотел удержать свет внутри. — Они близко, — прошептал он. — Я слышу их шаги. Они не идут — они ползут, как трещины по стеклу. И если они дойдут сюда... Он не договорил, но Кая поняла. — Тогда мы не дадим им дойти, — твёрдо сказала она, глядя не на него, а на камни под своими ладонями, будто в их шероховатости была вся правда мира. — Фейра держит слово. Ты держишь свет. А я держу линию. Пока мы держим — они не пройдут. Фейра вдруг тихо охнула, её пальцы на мгновение замерли, а линии между камнями вспыхнули тусклым, болезненным светом, будто кто-то снаружи дёрнул за невидимую верёвку. — Держи! — прошептала она, не открывая глаз. — Держи крепче! Кая стиснула камни так, что побелели костяшки. В груди стало тесно, будто воздух стал густым, как смола, и каждый вдох приходилось вырывать силой. Элин наклонился к ней, почти уткнувшись лбом в её плечо. — Дыши, — прошептал он. — Если ты перестанешь дышать, круг почувствует. Он думает, что ты

ушла. И Кая вдруг поняла, что действительно задержала дыхание. Она выдохнула — коротко, резко, как сбрасывают тяжесть — и тут же втянула воздух, чувствуя, как холод обжигает лёгкие, но возвращает ясность. — Прости, — сказала она, скорее себе, чем ему. — Я не умею этого. — Зато ты умеешь другое, — тихо ответил Элин, не поднимая головы. — Ты умеешь не сдаваться. Мои родители говорили, что это самое редкое умение. Даже реже, чем магия. Он чуть отстранился и посмотрел на неё снизу вверх, и в его взгляде было столько доверия, что у Каи защемило в груди — не от боли, а от тяжести этого доверия, от того, как оно ложилось на плечи, становясь чем-то вроде доспеха. — Расскажи мне про свой мир, — вдруг попросил он. — Про тот, где нет магии. Про тот, где люди лечат себя железом и словами. Кая на секунду закрыла глаза, вспоминая: запах больницы, серое небо над остановкой, розовый комбинезон девочки, тихий голос: «...и тогда дракон сказал: я не злой, я просто большой...». — В моём мире, — начала она тихо, чтобы не мешать напеву Фейры, но чтобы Элин слышал каждое слово, — драконы были только в сказках. И их всегда боялись. Никто не верил, что они могут быть добрыми. Но одна маленькая девочка верила. И знаешь, что самое удивительное? Ей не нужна была магия, чтобы в это верить. Ей хватало того, что она хотела, чтобы это было правдой. Элин слушал, не перебивая, и в его глазах медленно таял страх, уступая место чему-то другому — любопытству, надежде, чему-то тёплому, что не могло замёрзнуть даже в этом ледяном воздухе. — Значит, — медленно произнёс он, — доброта — это тоже сила? — Да, — кивнула Кая. Ещё один удар где-то вдалеке. Земля дрогнула, и линии между камнями вспыхнули ярче, на секунду ослепив. Фейра застонала сквозь зубы, но не прервала напева. Кая почувствовала, как по рукам пробежал ледяной ток, будто сама земля просила: «Не отпускай». Она не отпустила. — Смотри, — прошептала Кая, наклоняясь к Элину. — Видишь, как свет дрожит? Это не магия пугает. Это магия держится. Она такая же живая, как мы. Ей тоже страшно. Но она не отпускает. Элин кивнул, сжал кулаки, и амулет на его шее на мгновение вспыхнул ярче, будто отозвался на её слова. — Тогда я тоже не отпущу, — сказал он твёрдо. — Даже если будет очень страшно. И в этот момент Кая поняла: она больше не просто держит камни. Она держит чью-то веру. И этого достаточно, что бы удержать. Линии между камнями вспыхнули так резко, что на миг ослепили. Кая стиснула зубы: ледяной ток прошёл по рукам, впился в плечи, будто хотел оторвать её от земли. Фейра глухо застонала, не прерывая напева, но голос её стал тоньше, как натянутая струна, готовая лопнуть. — Держи! — выдохнула она, не открывая глаз. — Не дай им войти! Элин прижался к Кая, но не как испуганный ребёнок — как тот, кто хочет отдать своё тепло, чтобы удержать другого. Амулет на его шее вспыхнул тусклым светом, и Кая вдруг почувствовала не холод, а странное, короткое тепло — будто земля на секунду вспомнила, что умеет согревать. — Они прорвались на перевале! — прошептала Фейра, и в её голосе не было паники — только горькое знание. — Круг трещит. Если не закрыть прореху сейчас, завеса падёт, и они увидят нас. Кая посмотрела на Элина. Его лицо было бледным, но глаза — ясными, будто страх ушёл туда, где ему не место. — Ты говорил, что чувствуешь, — быстро, почти шёпотом сказала Кая. — Скажи, где прореха. Покажи мне. Элин закрыл глаза, прижал ладонь к амулету, и на секунду его пальцы засветились слабым, неровным светом. — Там... — он вытянул руку в сторону северной тропы, туда, где земля дрожала сильнее всего. — Они тянут силу, как воду из колодца. Прореха похожа на трещину в льду. Если надавить на края, она может сомкнуться. Фейра кивнула, будто услышала то, что боялась услышать. — Нужно слово и опора. Слово у меня есть. Опора... должна быть живой. Она открыла глаза, посмотрела прямо на Элина: — Вспомни. Вспомни, чему учили родители. Слова, которые Зарен шептал на рассвете, когда земля ещё спала. И скажи их — не громко, а так, будто обнимаешь мир. Элин вздрогнул, будто это имя ударило его. Он сжал кулаки, и в памяти вспыхнули обрывки: голос отца, тёплый и низкий, как гул земли; мать, которая клала ладонь на камень и говорила: «Сила не в том, чтобы ломать. Сила в том, чтобы держать». Он тихо, почти беззвучно, прошептал несколько слов — не на языке, который знала Кая, а на старом, тягучем, будто каждое слово

было камнем, который он осторожно укладывал в стену. И в тот же миг амулет вспыхнул ярче, и линия круга в северной точке дрогнула, как будто кто-то снаружи дёрнул за верёвку — и тут же отпустил. — Да! — выдохнула Фейра. — Ещё раз. То же самое. Держи ритм. Элин повторил, и на этот раз его голос чуть окреп. Кая почувствовала, как дрожь под землёй стала другой: не рвущей, а тянущей — будто трещина пыталась затянуться, но ей не хватало опоры. — А теперь ты, — Фейра посмотрела на Каю. — Не словами. Руками. Представь, что эти камни — твои кулаки. Ты не даёшь трещине расти. Ты просто стоишь и не пускаешь. Кая закрыла глаза и вспомнила остановку, серое небо, девочку в розовом комбинезоне. Вспомнила, как шагнула вперёд, зная, что не успеет, но всё равно шагнула. Она представила, что эта прореха — тот же удар, только не по ней, а по миру. И она снова шагнула — не телом, а всем своим «я», вцепившись в камни так, будто от этого зависело, будет ли у кого-то завтра рассвет. И круг содрогнулся — но не рассыпался. Он словно вздохнул, и трещина начала стягиваться, как затягивается царапина на коже. *** Пока Фейра тихо вела ритм, а Кая держала линию, Элин вдруг почувствовал, как слова родителей всплывают в памяти сами собой, как всплывают пузырьки воздуха из глубины. — Мама говорила, — тихо, почти про себя, прошептал он, — что земля помнит всех, кто когда-либо по ней ходил. Даже тех, кто ушёл. Она не забывает шаги. И если ты стоишь крепко, она тебя держит. Кая чуть наклонила голову, не отпуская камней, но слушая. — А отец? — спросила она так же тихо. Элин сглотнул. Перед глазами встала картина: рассвет, тонкий пар над травой, отец в простой рубаше, с руками, покрытыми старыми шрамами, и спокойными глазами. — Отец говорил, что сила — это не когда ты можешь всё. Сила — это когда ты не бросаешь то, что тебе доверили. Даже если страшно. Даже если ты маленький. Он сказал мне в тот день, когда они прятали меня: «Ты не должен быть героем, Элин. Ты должен быть честным. И если придётся, ты должен сказать правду, даже если она ломает мир». Кая кивнула. — Это хорошее правило, — сказала она. — Я бы хотела, чтобы мне кто-то такое сказал, когда я была маленькой. Элин посмотрел на неё. — А тебе никто не говорил? — Мне говорили другое, — чуть улыбнулась Кая. — «Держись. Не доверяй. И если можешь помочь — помоги, но не жди благодарности». — Это тоже важно, — серьёзно сказал Элин. — Потому что благодарность не греет, когда холодно. А дело греет. Где-то вдалеке прокатился ещё один удар, но теперь он звучал иначе — не как треск, а как глухой стук, будто кто-то бьёт в стену, но стена уже не поддаётся. *** Торн стоял на узкой тропе, где скалы нависали над головой, а внизу темнела пропасть. Рядом — Орин и Брен. Перед ними — отряд пришельцев: фигуры в тёмных плащах, с глазами, в которых не было ни злости, ни радости, только холодная уверенность, что мир принадлежит им. Они не спешили. Они знали, что время на их стороне. — Сейчас пойдут, — прошептал Брен, сжимая копьё. Торн кивнул. Он не чувствовал страха — только тяжесть меча в руке и тяжесть обещания, которое он дал, бросив Каю плащ. «Я не оставлю тебя одну». И теперь это обещание держало его крепче любой клятвы. Первый ряд пришельцев шагнул вперёд. — Держите линию, — коротко бросил Торн. — Не дайте им пройти. Удар. Сталь встретила сталь. Но это был не обычный бой: каждый раз, когда клинок касался врага, воздух чуть искрил, будто реальность сопротивлялась. Торн отбивал удар за ударом, но краем сознания ловил не звон мечей, а другое — странное, едва уловимое ощущение, будто где-то далеко, в укрытии, круг ещё держится. Он чувствовал это не ушами, не глазами — а той частью себя, которая знала: пока круг стоит, у них есть шанс. «Держи, Кая», — подумал он, отбивая очередной выпад. — «Просто держись. Мы задержим их». Ещё один удар. Ещё один шаг назад. Тропа была узкой, и это было их преимущество: враг не мог обойти, не мог ударить с фланга. Но и они не могли отступить далеко. Орин, стоявший чуть позади, вдруг резко выдохнул: — Круг дрогнул. Но не пал. Кто-то держит. Торн на секунду позволил себе поверить в это. В то, что там, в укрытии, Кая сидит у камней, держит линию, и рядом с ней — Элин, и Фейра ведёт ритм. И пока они держат, этот мир ещё не проиграл. — Ещё немного! — крикнул он, и голос его прозвучал громче, чем он ожидал. — Держите строй! И в этот момент земля под ногами чуть

дрогнула — но не от удара врага, а от чего-то другого: будто где-то рядом кто-то сказал нужные слова, и мир ответил. Круг в укрытии содрогнулся в последний раз — и встал ровно. Трещина стянулась. Завеса сомкнулась. Фейра медленно опустила голову, её плечи опустились, будто с них сняли невидимый груз. — Получилось, — прошептала она. — Мы удержали. Кая открыла глаза. Камни под её ладонями всё ещё были холодными, но холод теперь казался другим — не враждебным, а просто естественным, как холод камня в тени. Элин смотрел на неё, и в его глазах было столько благодарности, что Кае стало неловко. — Ты вспомнил нужные слова, — сказала она. — Это ты удержал. — Нет, — тихо ответил Элин. — Мы удержали. Вместе. Фейра подняла голову, прислушалась к тишине, которая теперь была не пустой, а наполненной — дыханием земли, тихим шелестом ветра, далёким криком птицы. — Они отступили, — сказала она. — Или сменили направление. Пока мы в безопасности. Кая медленно разжала пальцы, чувствуя, как возвращается тепло в онемевшие руки. Она посмотрела на Элина, потом на круг камней, на огонь очага, на тёмное небо, которое теперь не мерцало так тревожно. — Значит, мы справились, — сказала она. — Хотя бы на сегодня. — На сегодня — да, — кивнула Фейра. — А завтра будет новый день. И новые решения. Элин тихо вздохнул и прижался плечом к её колену. — Спасибо, — прошептал он. — За то, что ты не ушла. Кая положила ладонь ему на голову, осторожно, будто боялась спугнуть это хрупкое доверие. — Я не уйду, — сказала она. — Пока ты здесь, я буду стоять рядом.

Глава 4

Три часа пролетели не как время, а как короткие вдохи между ударами сердца: кто-то тихо собирал узлы, кто-то проверял ремни, кто-то шептал последние слова очагу, будто он был живым и мог их услышать. Кая не шептала. Она просто в последний раз посмотрела на остывшие угли, на место, где ещё недавно лежал круг камней, и подумала: «Мы уносим с собой не вещи. Мы уносим то, что здесь удержали».

Орин шёл первым, бесшумно, как тень, сливаясь с темнотой. За ним — Торн, насторожённый, будто сам воздух мог предать. Брен замыкал цепочку, прикрывая тыл. Фейра держала Элина за руку, а Кая шла рядом, готовая в любой миг подхватить мальчика, если он споткнётся.

Старая штольня начиналась с узкой щели между скалами — будто мир на секунду приоткрыл шрам и тут же хотел его скрыть. Внутри пахло сырой землёй и древним камнем, а тишина была такой плотной, что даже дыхание казалось слишком громким.

— Держитесь ближе к стене, — тихо бросил Торн, не оборачиваясь. — Здесь есть места, где пол предательски уходит вниз.

Элин крепче сжал пальцы Фейры, но не издал ни звука. Только амулет на его шее чуть мерцал, словно пытался осветить хоть немного пути.

Они шли долго, пока не добрались до развилки: один ход уходил вниз, к подземному озеру, другой — вбок, к узкой тропе. Орин остановился, прислушиваясь к тишине, как к живому существу.

— Здесь, — прошептал он. — Отсюда начинается тропа к перевалу. Если пройдем без шума, к рассвету будем в безопасных землях.

Торн кивнул, но вдруг поднял руку, приказывая всем замереть. В тишине прозвучало едва уловимое: скрежет камня о камень, слишком ровный, чтобы быть случайностью.

— Ловушка, — одними губами произнёс Торн. — Или засада.

Фейра потянула Элина к стене, пытаясь спрятать его в тени. Кая шагнула вперёд, закрывая мальчика собой, хотя понимала, что от меча её тело защитит не лучше, чем лист бумаги.

Из темноты показались фигуры — не люди, а силуэты, в которых не было ничего человеческого: плащи, скрывающие очертания, глаза, слабо светящиеся, как угли в пепле. Они не спешили нападать. Они ждали, когда беглецы сами сделают шаг в западню.

Один из них вышел вперёд — высокий, с жезлом, от которого тянулась тонкая нить тьмы, ползущая по камню, как трещина.

— Мы знаем, что он здесь, — голос звучал не из горла, а будто из самой темноты. — Наследник пришельцев. Отдайте его — и мы позволим остальным уйти.

Орин не дрогнул.

— Он не предмет для торга.

Фигура усмехнулась, и тьма вокруг неё сгустилась.

— Тогда вы все станете препятствием. А препятствия мы устраняем.

Первый удар прозвучал как щелчок, от которого содрогнулись стены. Брен бросился вперёд, прикрывая группу, но враг двигался не так, как обычный воин: его движения были текучими, будто он не шёл, а перетекал из одной тени в другую.

Торн скрестил клинок с одним из нападавших, и сталь зазвенела, высекая искры, которые тут же гасли в этой неестественной тьме. Орин читал слова, сплетая вокруг группы тонкую завесу, но она трещала, как ткань под ножом.

И вдруг тьма рванулась вперёд, разрывая строй. Кая почувствовала, как её оттолкнуло волной холода, и в тот же миг увидела: Фейра упала, прикрывая Элина, а сам мальчик, вырвавшись из её рук, попятился в боковой проход — туда, где раньше был тупик, а теперь зияла свежая трещина в стене.

— Элин! — крикнула Кая, но крик утонул в грохоте осыпающихся камней.

Она рванулась за ним, не думая, не взвешивая шансы. В голове стучало только одно: «Не дай ему остаться одному».

Боковой проход оказался не тупиком, а старой боковой галереей, заваленной обломками. Элин стоял у стены, прижав руку к амулету, его лицо было белым, как мел, но он не плакал.

— Они знают, где я, — прошептал он, глядя на Каю так, будто она была единственной точкой опоры в этом рушащемся мире. — Они чувствуют меня.

Кая встала между ним и входом в галерею, хотя знала, что никакая поза не спасёт от той силы, которая шла за ними.

— Значит, им придётся пройти через меня, — сказала она спокойно, хотя сердце колотилось так, что казалось, его слышно даже в соседней пещере.

Амулет вспыхнул — не тусклым светом, а ярким, болезненным сиянием, которое на секунду высветило трещины в стенах, старые руны, вырезанные в камне, и фигуру врага, уже готового шагнуть внутрь.

И тут Кая поняла: руны не просто украшение. Они — часть защиты, забытой, но не уничтоженной. И амулет Элина — ключ к ней.

— Не смотри на него, — быстро сказала она Элину. — Смотри на руны. На ту, что похожа на сломанную стрелу. Скажи ей то, что говорил кругу. Те же слова. Не громко. Просто пусть они будут.

Элин сглотнул, но послушался. Он закрыл глаза и прошептал те самые слова, которые когда-то шептал отец на рассвете. Голос его дрожал, но был твёрдым.

Камень под руной вздрогнул. Свет амулета ударил в неё, и вдруг галерея наполнилась звуком — не криком, не звоном, а низким гулом, как будто сама земля вздохнула и решила, что хватит терпеть.

Тьма, тянувшаяся к ним, наткнулась на невидимую стену и рассыпалась, как пепел на ветру. Фигура в плаще замерла, будто наткнулась на преграду, которую не могла ни обойти, ни пробить.

— Что это? — прохрипел враг, и в его голосе впервые прозвучало не превосходство, а удивление.

Кая не ответила. Она просто стояла, чувствуя, как холод камня под пальцами превращается в тепло, как линия, которую она держала у очага, теперь протянулась сквозь стены и связала её с этим местом.

— Это не магия, — тихо сказала она, скорее для себя, чем для него. — Это память. И пока мы помним, что нужно защищать, нас не победить.

Ещё один удар по невидимой стене. Ещё одна волна тьмы. Но руна держалась, амулет горел, а Элин шептал, и его голос становился всё увереннее.

В проёме мелькнула тень — Торн. Он ворвался в галерею, готовый к бою, но замер, увидев свет, руны и двух фигур, стоящих в центре этого странного сияния.

— Кая... — начал он, но она покачала головой.

— Не сейчас. Держи вход. Пусть никто не войдёт, пока он не закончит.

Торн понял. Он встал у проёма, как живая стена, и его клинок больше не искал удара — он просто обещал, что никто не пройдёт.

Элин дошёл до конца фразы. Свет руны вспыхнул в последний раз и медленно погас, оставив после себя не тьму, а спокойное, тёплое сияние, будто камень запомнил этот момент и решил хранить его.

Враг отступил. Не потому что испугался, а потому что понял: здесь сила, которую он не может поглотить. Он растворился в темноте, унося с собой тишину, которая теперь казалась не угрожающей, а просто пустой.

Когда всё стихло, Кая опустилась на колени рядом с Элином, не от усталости, а чтобы быть на одном уровне с ним.

— Ты справился, — сказала она. — Ты не просто вспомнил слова. Ты дал им силу.

Элин посмотрел на неё, и в его глазах было столько благодарности, что она чуть не отвернулась — ей было неловко принимать такое.

— Я боялся, — признался он. — Но когда ты сказала смотреть на руны, я вдруг вспомнил: мама говорила, что древние камни помнят голоса тех, кто их любил. И я подумал: пусть этот камень помнит мой голос.

Кая улыбнулась, хотя улыбаться сейчас казалось почти кошунственным.

— Хороший план, — сказала она.

Торн подошёл, убрал клинок в ножны.

— Орин говорит, что основной отряд ушёл дальше по тропе. Они ждут нас у выхода к озеру. Нам нужно двигаться, пока враг не перегруппировался.

Кая поднялась, протянула руку Элину.

— Тогда идём. И на этот раз держись рядом. Не потому что ты слабый, а потому что вместе мы делаем эти камни живыми.

Элин кивнул, взял её за руку, и они вышли из галереи туда, где пахло не тьмой, а водой и ветром — туда, где впереди был не тупик, а путь.

Когда тьма отступила, в галерее повисла странная тишина — не та, что бывает перед ударом, а выжженная, будто сама пещера выдохнула и теперь пыталась отдышаться. Кая всё ещё стояла, прикрывая Элина, хотя враг уже растворился в темноте. Её руки дрожали, но она не опускала плеч — будто боялась, что если расслабится хоть на миг, всё вернётся.

Элин прижался к её боку, не как ребёнок, ищущий защиты, а как тот, кто вдруг понял: держаться можно не только за амулет, не только за слова родителей — можно держаться за живое тепло рядом.

— Ты не ранен? — тихо спросила Кая, не поворачивая головы, чтобы не выпускать из виду проход. Голос звучал хрипло, будто она слишком долго задерживала дыхание.

— Нет, — прошептал Элин. — Только... сердце стучит так, будто хочет выпрыгнуть.

Кая чуть наклонила голову, и на секунду её губы тронула улыбка — не весёлая, а такая, какая бывает, когда понимаешь, что самое страшное уже случилось, а ты всё ещё стоишь.

— Это нормально, — сказала она. — Сердце стучит, потому что оно помнит: ты жив. Пусть стучит. Главное — не дай ему забыть, ради чего оно бьётся.

Торн стоял в проёме, его силуэт чётко выделялся на фоне более светлой части тоннеля. Он не убирал меч, но и не заносился для удара — просто держал его так, как держат щит: не для нападения, а чтобы между ним и теми, кто позади, не проскользнула ни одна тень.

Наконец он медленно опустил клинок, но не в ножны — просто опустил, давая рукам отдохнуть. И только тогда Кая поняла, насколько он был напряжён: каждый мускул будто окаменел, а теперь понемногу начинал оттаивать.

— Здесь чисто, — тихо сказал Торн, не столько им, сколько самому себе. — Они ушли. Не потому что испугались, а потому что не смогли пробить защиту. А это значит, что у нас есть время.

Орин подошёл, осторожно ступая по неровным камням, и остановился рядом с руной, которая всё ещё слабо мерцала, будто не хотела гаснуть, пока не убедится, что всё в порядке.

— Эта галерея была частью старой защитной цепи, — сказал он, проводя пальцами по краю резьбы, но не касаясь самой линии. — Её строили не для того, чтобы прятаться, а чтобы удерживать. И руна отозвалась, потому что нашла того, кто готов держать до конца.

Он посмотрел на Элина, потом на Каю.

— Вы вдвоём замкнули цепь. Не магией. Не силой. А намерением. Это редкая вещь. И очень опасная — потому что враг теперь знает: у них есть якорь. И он будет искать способ его сорвать.

Фейра, прихрамывая, вошла в галерею. На её плече темнело пятно — не кровь, а грязь, смешанная с чем-то липким, что тянулось от удара врага. Она не морщилась, не жаловалась, просто шла, будто боль была ещё одним шагом, который нужно сделать.

— Нам нельзя оставаться здесь, — сказала она спокойно, но в голосе слышалась усталость, которую она пыталась спрятать за твёрдостью. — Даже если проход чист, запах боя оседает на камнях. Они найдут нас по нему.

Брен кивнул, держа копьё наготове, хотя в нём уже не было прежней ярости — только готовность, холодная и собранная.

— Тропа к озеру всё ещё открыта, — сказал он. — Если пойдём быстро и тихо, будем там до рассвета.

Торн посмотрел на Каю и Элина, будто взвешивая, можно ли доверить им этот путь. Потом кивнул.

— Тогда идём. Но не как раньше. Теперь Кая и Элин — в центре. Орин и я — по бокам. Брен замыкает. Фейра — рядом с Элином. Если начнётся новая волна, мы должны удержать их, не дав разорвать связь.

Кая хотела возразить, сказать, что она не щит, не командир, просто та, кто случайно оказалась в нужном месте. Но потом вспомнила: она не случайно держала камни у очага. Не случайно шагнула вперёд в штольне. И не случайно стояла сейчас, закрывая собой мальчика, который шептал слова, заставляющие камни светиться.

— Хорошо, — сказала она, и голос прозвучал твёрже, чем она ожидала. — Мы пойдём так. Но если Фейре станет хуже, мы остановимся. Даже на минуту.

Фейра хотела отмахнуться, но Орин мягко положил ладонь ей на плечо.

— Мы остановимся, если нужно, — сказал он спокойно. — Никто не будет платить жизнью за скорость.

Они двинулись вперёд, и теперь галерея казалась не ловушкой, а коридором, который наконец-то решил им помочь: камни под ногами стали ровнее, а воздух — чище, будто пещера сама выталкивала их к выходу.

Элин шёл, держась за руку Каи, но время от времени отпускал её, чтобы коснуться стены — не для опоры, а будто хотел убедиться, что она настоящая.

— Ты помнишь, как мама рассказывала про старые камни? — вдруг спросил он, не глядя на Каю, а глядя вперёд, туда, где тьма понемногу сдавала позиции.

Кая кивнула, хотя он не видел этого.

— Про то, что они помнят шаги?

— Да, — прошептал Элин. — Она говорила, что если ты идёшь и не боишься, камни запоминают твой шаг. И потом, когда тебе будет страшно, они вспомнят, что ты уже проходил здесь, и помогут тебе не упасть.

Кая сжала его пальцы чуть крепче.

— Значит, эти камни уже запомнили твой шаг, — сказала она. — И теперь они будут держать тебя. Даже если ты не видишь их.

Элин чуть улыбнулся, и в этой улыбке было столько детской веры, что Кая вдруг почувствовала, как внутри неё что-то тихо щёлкнуло на место — будто она наконец-то поняла, зачем оказалась здесь. Не для того, чтобы быть героем. А для того, чтобы кто-то мог поверить, что его шаги важны.

Торн шёл рядом, не навязываясь в разговор, но и не уходя далеко. Время от времени он бросал короткие взгляды на Каю, будто пытался разгадать её, как старую карту, на которой не хватает нескольких меток.

Когда они на минуту остановились, чтобы перевести дыхание у узкого выступа, Торн подошёл ближе и тихо, так, чтобы слышал только она, сказал:

— Я не привык доверять тем, кто не держит оружие. Но сегодня ты держала то, что важнее меча. Ты держала его веру.

Кая покачала головой.

— Я ничего не держала. Просто стояла рядом.

— Вот именно, — спокойно сказал Торн. — Стоять рядом, когда всё рушится, — это и есть самое трудное. И самое редкое.

Она хотела ответить что-то простое, вроде «любой бы так сделал», но не смогла. Потому что знала: не любой. Кто-то убежал бы. Кто-то закричал бы. Кто-то попытался бы всё исправить силой. А она просто стояла. И этого оказалось достаточно.

Вскоре галерея вывела их в более широкий проход, откуда тянуло сыростью и ветром — настоящим, живым ветром, который не знал про тьму и руны, а просто дул, как ему положено. Впереди, в конце тоннеля, мелькнуло отражение: вода, тихая и чёрная, как кусок ночного неба, упавший на землю.

Подземное озеро лежало в круглой чаше, окружённой тёмными скалами, и казалось, что оно не отражает свет, а впитывает его, делая темноту глубже и спокойнее.

Они вышли к кромке воды, и каждый на секунду замер, будто боялся спугнуть эту тишину. Даже Брен, который привык к бою и шуму, опустил копьё и стоял, прислушиваясь к тому, как капли падают с потолка и разбиваются о поверхность, создавая круги, которые тут же исчезали.

Элин подошёл к воде, наклонился, чтобы увидеть своё отражение, и вдруг замер. В воде он увидел не только себя, но и что-то ещё — лёгкий отблеск, похожий на тонкую нить света, тянущуюся от его амулета прямо в глубину.

— Смотри, — тихо позвал он Каю. — Он светится даже здесь.

Кая присела рядом, не касаясь воды, но так, чтобы видеть и его, и отражение.

— Может, это озеро отвечает, — прошептала она. — Может, оно говорит: «Я вижу, что ты несёшь. И я помогу тебе это удержать».

Элин кивнул, будто это объяснение было самым правильным из всех, что он слышал.

И в этот момент, пока вода тихо шептала свои древние слова, а камни вокруг будто прислушивались, Кая поняла: они ещё не в безопасности. Но они сделали первый шаг туда, где можно будет дышать. И этого было достаточно, чтобы идти дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.